

В качестве общей черты алтайского и бурятского эпоса можно отметить представление об экзогамии как социальной норме и представление о суженой невесте, предназначенной судьбой от рождения. Видимо, данные воззрения более устойчивы, так как значимы для обоих этносов, входя в их систему традиционных ценностей.

- Абай Гэсэр-Хубун.* Улан-Удэ, 1966. Ч. 2: Ошор Богдо и Хурин Алтай.
Алтай-Бучый (Теленгитский вариант А.Г. Калкина) // Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай Буучае: Исследование и тексты. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1962. С. 79–123.
Алтан Шагай // Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. Улан-Удэ, 2000. С. 9–82.
Басаева К.Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. Улан-Удэ, 1974.
Берёзкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 02.02.2014).
Бойдон-Кёкшин // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы (к 150-летию выдающегося алтайского сказителя). Горно-Алтайск, 2011. С. 97–165.
Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в. Новосибирск, 2006.
Дашибалова И.Н. Проблемы этнической стереотипизации бурят в ценностном аспекте. Улан-Удэ, 2006.
Еренсей. Улан-Удэ, 1968.
Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.:Л., 1962.
Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1978.
Кан-Алтын // Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. С. 296–553 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
Кан-Кюлер, именуемый коня Кара-Кюрена // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы (к 150-летию выдающегося алтайского сказителя). Горно-Алтайск, 2011. С. 169–261.
Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск, 2005.
Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 42–74.
Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса (Ранние формы и архаические памятники). М.: Наука, 1963. 462 с.
Миллер Г.Ф. Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 80–91.
Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие. СПб., 1999.
Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай Буучае: Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1962.
Хомонов М.П. Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ, 1976.
Хэгдэр Мэргэн // Улигеры хори-бурят. Улан-Удэ, 1988. С. 82–142.

Проблемы перевода и систематизации

Ю.В. Лиморенко

Перевод фольклорных образцов на русский язык: общие наблюдения

Аннотация. Статья посвящена последовательности работы над научным переводом фольклорных произведений и описанию основных проблем, встающих в процессе такого перевода. Во введении обсуждаются требования к профессиональной подготовке переводчика, а также преимущества, которые может давать переводчику его принадлежность к исследуемой культуре. Далее описаны основные процедуры перевода. Они включают, во-первых, полное знакомство с текстом и изучение контекста, в котором он бытует. Во-вторых, поиск ключевых слов текста, отражающих его тематику, и поиск для них однозначных эквивалентов. Третий уровень работы – это определение жанровой природы текста, которая влияет на стилистику текста, отражаемую в переводе. Далее описываются особенности перевода, связанные с композицией текста и наличием в нём традиционных устойчивых композиционных элементов (общих мест, инициальных и финальных формул). Следующий этап работы – это смысловое членение текста и определение словесных средств выражения этого членения. Последняя процедура перевода – это исследование каждого смыслового блока и поиск эквивалентов для каждого его элемента «сверху» – от уровня предложения до уровня морфем (если это возможно и необходимо).

The paper deal with the order of processing of scientific translation of folklore pieces and with the general problems emerging when performing this kind of translation. In the introduction the criteria of translator's

professional efficiency and the advantages of being the culture-bearer are discussed. Next the main stages of translation are depicted. First of these is reading of the whole text and the examination of the context where the text exists. Next follows the search of the keywords of the text expressing its theme and the selection of equivalents for them. The third level of translation is the study of the genre of a piece which determines the style to be reflected in the translation. Then the paper examines the difficulties coming from the text's composition and its constant traditional element (*loci communi*, initial and final formulas). Further, semantic division of the text and finding of verbal elements of this division are discussed. The final stage of traditional is the examination of each semantic part of the text and the searching for the equivalents the it "from above" – from the level of a phrase to the morphemic level (if the equivalents for some morphemes are needed).

Ключевые слова: теория перевода, перевод фольклора, фольклорные жанры, композиция текста, уровни языковой системы, стиль.

Translation theory, translation of folklore, genres of folklore, text composition, levels of language system, style.

УДК: 81'25(=161.1):398.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел./факс: (383)330-14-52. E-mail: limorenko@ngs.ru.

Цель статьи – дать общий обзор последовательности работы над научным переводом фольклорных образцов с национальных языков. Отмечены наиболее частые проблемы и даны примеры их разрешения на основании опыта имеющихся научных публикаций фольклорных произведений с переводом на русский язык. Основные положения статьи проиллюстрированы примерами из опубликованных томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Введение. Начиная работу с новым текстом, переводчик выполняет ряд обязательных процедур, без которых качественный научный перевод невозможен. Для переводчика авторского текста в любом жанре эти процедуры подробно описаны в литературе по теории и практике перевода. Для текста, представляющего собой фольклорный образец и входящего, таким образом, в уникальный культурный контекст, этот ряд обязательных процедур нигде специально не описан. Пользоваться «рецептами» переводчиков авторских (преимущественно художественных) текстов возможно, но, если следовать только этой программе, можно упустить некоторые специфические черты, присущие именно фольклорному образцу. А сохранение и проявление этих черт и составляет основной смысл перевода фольклора на другие языки.

Перевод фольклорного образца на любой иностранный язык – это всегда толкование, интерпретация в рамках представлений о культуре народа, которому принадлежит текст. Поэтому основное требование перед началом перевода – это **выполнение подобной работы подготовленным специалистом**. Предполагается, что переводчик, берясь за такую задачу, обладает знаниями о контексте; это условие едва ли не более важно, чем владение национальным языком. Следует отметить, что этнологическая и фольклористическая компетентность, требуемая от переводчика, не возникает сама собой по факту того, что переводчик принадлежит к народу, фольклор которого он переводит. Возведение «близости к национальным корням» в абсолют служит науке дурную службу: чтобы знать в деталях историю и культуру своего народа, просто «быть носителем» культуры недостаточно – нужно изучать её и её место в мировом культурном контексте. Личный опыт служит ценнейшим дополнением к образованию и научной компетентности, но не заменяет её; представитель того или иного народа – это всегда представитель определённого рода, этнической и/или ареальной группы, и особенности этой группы в развитии личности преобладают над общенациональными чертами и характеристиками. Поэтому особенно велика и важна роль исследователей, которые, являясь носителями традиционной культуры того или иного народа, получили профессиональное образование, глубоко и тщательно изучили свою и смежные дисциплины; их личный опыт и владение языком служат органичным дополнением к академическим знаниям. Переводы, выполненные такими специалистами, как правило, отличаются глубокой научной обоснованностью и языковая точность.

I. Технические задачи, которые выполняет переводчик, можно представить в виде алгоритма «сверху вниз», т. е. от текста в целом к подробностям его структуры. Первый уровень работы над текстом требует **прочитать текст целиком, от начала до конца**. Это на первый взгляд может показаться очевидным, однако, работая с большим по объёму текстом, переводчики не всегда его выполняют. Между тем в практике фольклористов встречаются тексты, которые нечётко отграничены от других текстовых отрывков, представляют собой начало (без окончания) или продолжение (без начала) более крупного повествования, контекстно связаны с другими образцами. Так, текст может

содержать явную или неявную отсылку к другому повествованию, исполненному тем же рассказчиком: «(Ещё) давно один охотник на охоте был» [МЛПТ 2010: 115]. Текст тувинского мифа, начинающийся этими словами, представляет собой самозапись исполнителя и связан с другими его текстами общей логикой повествования. Обратившись к этим текстам, можно выявить особенности индивидуальной манеры исполнителя (в записанном тексте она проявляется заметно, хотя и не так, как в устном рассказе) и, таким образом, разрешить вопросы выбора слов в переводе, стилистики, композиционных характеристик текстов.

Также текст может содержать в себе ответы на вопросы, которые возникают по ходу перевода с начала. К примеру, невозможно сделать понятный, доступный перевод названия тувинского предания «Хамның күжү чүүл-бүрү», не прочтя его до конца и не уяснив, о каких силах идёт речь. В томе серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», откуда взят текст, название переведено так: «Силы шаманов разные бывают» [Там же: 176–177] — с учётом смысла всего текста в целом. Но и это ещё не самый широкий подход: имея дело с фольклорным текстом, следует всегда держать в поле зрения всю традицию. «...Для выявления значения слова недостаточно анализа узкого контекста предложения, поскольку, кажущееся простым, это значение на общем фоне... произведения может нести нагрузку обобщения» [Лебедева 1981: 98].

II. Изучив текст, переводчик может составить представление о его теме и определить, **какие слова являются ключевыми и требуют обязательного перевода**. Уяснив себе смысл этих слов и выражений, найдя для них варианты перевода и выбрав те, что лучшим образом отвечают поставленным задачам, переводчик получает в свои руки один из главных инструментов интерпретации текста.

Вопрос о ключевых словах требует более подробного комментария. Ключевыми мы считаем слова, которые наиболее тесно связаны с темой текста, часто употребляются в нём и выражают связь текста с традицией, в которой он бытует (или бытовал). К таким словам могут относиться названия предметов быта, атрибутов культа, хозяйственные термины (охотничьи, скотоводческие, агрокультурные и др.), термины родства, наименования процессов, которым посвящён текст. Иными словами, в каждом тексте в зависимости от сферы его бытования может содержаться своя «терминология». К примеру, для эпического сказания это названия богатырского оружия, сбруи ездового животного, наименования противников богатыря – людей и представителей потустороннего мира, термины состязаний, сватовства и др. Для обрядового текста – названия элементов обряда, ритуальных предметов, процессов и действий, которые производят участники обряда, обращения к духам и божествам. Для сказки – наименования всех персонажей (как по именам, так и по функциям), основных мест, где происходят ключевые события, важных для повествования предметов. Для мифа – имена и определения персонажей (божеств, духов, человека, животных), космогонические понятия (земля, небо, море, вода, подземный мир, астронимы и др.). Для легенд и преданий – названия этнических общностей (родов, племён), топонимы. Для песенных жанров трудно выделить группы ключевых слов, однако если в песнях есть повествовательный компонент, для него действуют те же принципы.

Приведём несколько примеров. В небольшом тексте астрального мифа «Юч Мыйгак» [НПА 2011: 106–107] о происхождении созвездия Орион, которое алтайцы называют «Три маралухи», выделяются следующие ключевые слова: Юч Мыйгак (в качестве имени собственного наименование созвездия оставлено без перевода), звезда, маралуха, стрела, конь, собака, Кёгютей (имя героя, который охотился на маралух). Без точной передачи в переводе этих слов (включая сюда и транслитерацию имени персонажа) смысл текста, уподобляющего звёзды попавшим на небо объектам, будет утерян. Указание на вид животных (маралухи) – признак южнотюркской фольклорной традиции, где маралы часто упоминаются в качестве объектов охоты (см., например, тексты «Сарылбай-охотник» [МЛПТ 2010: 128–135], «Встреча храброго *хоомейжи*²³ с духом-хозяйкой высокой тайги» [Там же: 134–141]), а также становятся персонажами мифологических и легендарных рассказов, например: «Как марал с конём поменялся» [Там же: 76–77], «Марал, прошедший по радуге» [Там же: 140–141], «Краснокопытный марал» [Там же: 140–143]. Конь, собака, лук и стрела – атрибуты южносибирского героя-охотника, также традиционные (см., например: [Кузьмина 2005: 62–67; 322–331; 654–655; 1256–1261]).

В тексте «Как вымер зверь *дьаан*²⁴» [НПА 2011: 118–119], входящем в цикл мифов о потопе, выделяются ключевые слова: потоп, зверь *дьаан*, плот, животные, человек, *каан*²⁵, море. На этих

²³ *Хоомейжи* — исполнитель *хоомея* — горлового пения у тувинцев (тув.).

²⁴ Зверь *дьаан* – алт. *јаан ан* «большой зверь» — слон, в тексте обозначает мамонта [НПА 2011: 429].

²⁵ *Каан* – хан, правитель (алт.).

ключевых словах, как на каркасе, строится сюжет, в котором противопоставляются животные, спасённые на плоту, и мамонт, не пожелавший воспользоваться помощью. Плот (ковчег), потоп и спасшиеся на плоту люди и животные – образы, пришедшие из переднеазиатской традиции, к которой относятся и библейские тексты.

III. Изучив текст от начала до конца, переводчик может сделать вывод о его *жанровой принадлежности*. Следует учитывать, что и исполнители, и собиратели часто расходятся в определениях жанра одного и того же текста. Народную классификацию жанров исследователи учитывают, но стараются применять научные классификации²⁶. Переводчику не нужно решать вопросы дефиниции жанров – достаточно понять, с текстами каких жанров близок текст, подлежащий переводу.

Жанровые особенности, даже если их понимать широко, накладывают ограничения на *стилистику перевода*. Анализ стиля оригинала в связи с его жанровой природой позволит переводчику избежать как русификации, так и нейтрально-безликой стилистики перевода. Вопросы стиля в фольклоре – широкая и сложная область, исследование которой ещё далеко от завершения; предлагать общие решения стилистических проблем перевода весьма сложно, с достаточным основанием можно лишь привести конкретные примеры стилистических ловушек и методов уклонения от них.

Чаще всего в переводах можно увидеть инициальные, вставные и конечные формулы в сказках, «подсказанные» знанием русского фольклора. В переводах сказок коренных народов Сибири неорганично смотрятся формулы «жили-были», «долго ли, коротко ли», «скоро сказка сказывается, нескоро дело делается», «стали жить-поживать». Вместе с тем художественная система фольклора каждого народа знает свои аналогичные формулы.

Инициальные формулы сказок и несказочных повествований построены в целом по одному образцу: персонажи вводятся в рассказ сообщением о том, что они «жили» или «живут». Примеры многочисленны: *ненецкие*: «Жили Старик со Старухой, [они] всегда сидели в одной большой тёплой ягушке» [ФН 2001: 89]; «Старуха со своим Дитятей живут совсем одни» [Там же: 109]; «Жил Богатый-Удачливый-Купец» [Там же: 177]; «...На земляном холме, в берестяном чумике жила Маленькая-Девочка» [Там же: 253]; «Два-Жителя-гор есть, [я и] мой Старший-Брат, брат мой женат» [Там же: 291]. *Бурятские*: «Жил хан Хилгэндэй, у него был бархатисто-чёрный конь» [БВС 1993: 31]; «В раннее, давнее время жил один богатый человек» [Там же: 85]; «В давнее время, говорят, жил старик Таряша, семидесяти трёх лет» [БВС: 167]; «В давние времена жил бедный парень Боролзой» [Там же: 231]; «В раннее, давнее время жил самый лучший охотник, молодой Шулун Бэлиг» [Там же: 281]. *Долганские*: «В Среднем мире совсем одинокая лошадь жила» [ФД 2000: 49]; «В ту пору, когда эта обжитая страна со шкуру головы самца-олени была, в ту пору, когда это простирающееся небо с лицо человека было, старуха со стариком жили» [Там же: 79]; «В старину Мышь и Птичка жили рядом» [Там же: 201]; «Жил одинокий пёс по имени Лаайку, отца-матери не помнил» [Там же: 277]; «Жили старик со старухой, говорят» [Там же: 309]; «Жили два брата-сироты» [Там же: 347]. *Шорские*: «Давно это было, оказывается. Охотник Абышка, старик, жил, оказывается» [ФШ 2010: 181]; «В то время, когда земля создавалась, в то время, когда эта вода по ней бежала, раньше-прежде Кара Кан и Сарыг Кан были, оказывается» [Там же: 203]; «Давно-давно это было: в одном селе одна женщина жила» [Там же: 235]; «Некий Кийегеш брат и Тийинеш сестра [жили]» [Там же: 295].

Приведём несколько примеров *формул-вставок с описанием течения времени в сказке*: «Он человек песни, человек сказки, долго ли [ему] выздороветь?» [МСПМ 2005: 201]; «...И опять живёт» [Там же: 237]; «...Долго побыл, коротко побыл²⁷...» [Там же: 241].

Конечные формулы более многочисленны и разнообразны. *Мансийские*: «Сказка и кончилась» [Там же: 187; 197]; «Вот и конец моей сказке» [Там же: 211]; «Аккуратная женщина, благоденствуя, и до сих пор живёт, поучая детей, оберегая свою Тяка-Акв, до сих пор поживает» [Там же: 217]; «И теперь живут, и теперь ходят» [Там же: 259] «И теперь живут, и теперь благоденствуют» [Там же: 329]; «Тот человек и теперь живёт, и теперь благоденствует, я только вчера оттуда» [Там же: 337]; «И до сих пор живёт» [Там же: 339]. *Бурятские*: «...И зажили они счастливо все вместе» [БВС 1993: 85]; «Вместе с младшей женой и сыном [хан] зажил счастливой жизнью» [Там же: 91]; «Дома их встретила ханша, и зажили они, говорят, спокойной счастливой жизнью» [Там же: 109]; «Вернулся домой и зажил счастливо со своей младшей женой» [Там же: 117]; «...А сам стал мужем этих трёх

²⁶ О трудностях построения жанровых классификаций фольклора см., например: *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.html>; *Новик Е.С.* К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.html>; а также [НПА 2011: 21].

²⁷ Эта формула – не русификация, мансийская формула по структуре аналогична русской.

жён и зажил счастливо» [Там же: 167]; «Взял в жёны дочь Далай Лусан-хана, и вместе с первой женой втроём стали жить до поживать» [Там же: 191]; «Шулун Бэлиг-парень вернулся домой и зажил с родителями счастливо» [Там же: 299]. Ненецкие: «До глубокой старости жили счастливо и хорошо» [ФН 2001: 235]; «И сейчас живут» [Там же: 257]; «Так зажили. Хораля хорошо живёт. Средний-Нохо тоже хорошо живёт. Вот и конец» [Там же: 269]; «Вот и всё. Конец» [Там же: 291]; «До сего дня, наверно, живут они на склоне Уральских гор. Вот и всё» [Там же: 307]; «Потом свадьбу справили. Так и живут» [Там же: 325]. Нанайские: «Ну, на этом конец» [НФ 1996: 101]; «И сейчас в [тех] домах живут они богато, в довольстве» [Там же: 129]; «Так и зажили, вдоволь всего добывая удачной охотой» [Там же: 175]; «С той поры зажили они мирно и богато» [Там же: 201]; «С той поры зажили они богато» [Там же: 313]; «Зажили они [все] в согласии» [Там же: 321]. Долганские: «До той поры жил в сытости и богатстве. Конец» [ФД 2000: 135]; «Так и женился [он] на дочери царя Грома. Конец» [Там же: 193]; «Вот так сделав, этот старик возвратился домой и стал жить. На этом вот конец» [Там же: 199]; «Живут богато до сего дня. Конец» [Там же: 223]; «Вот так и живут богато. Конец» [Там же: 233]; «Стал жить богато и сытно. Всё, конец» [Там же: 309].

Характерная черта стиля фольклорных повествований многих народов Сибири – *подчёркивание реплик персонажей, произносимых от первого лица*. Чаще всего концы реплик маркируются глаголами «сказал», «говорит» и др. В текстах этот приём выглядит следующим образом:

«– Ну что, Травник-Кара, в нашей земле-стране наши просо-посевы, травы-покосы засохли, почему *чатом* ты не [вызываешь дождь]? – сказал, Травник-Кара тут:

– Ах, я же дождь вызвать не смог, мой господин, – сказал» [МЛПТ 2010: 205].

«К вашему табуну мой косяк примкнул, разделить [их] помогите, парни, – сказал» [Там же: 213].

«Чыртак-оол на это:

– Все девять видов клятв перед народом я заставлю [тебя дать], — сказал [и] отпустил [его]» [Там же: 255].

«Парень на это:

– Раз у нас с тобой нет судьбы жить вместе в этом мире, какая разница, умрём или живы останемся, давай поплывём! – говорит» [Там же: 263].

Нередко эти показатели окончания реплик почти полностью лишаются самостоятельного лексического значения и выступают как частицы. В зависимости от того, насколько велика их самостоятельная смысловая роль, их можно передавать по-русски полнозначными глаголами или частицей «мол». «Человек про себя подумал: “Я туда спущусь, себе тоже земли возьму”, – мол» [НПА 2011: 49]; «“Где его добыть, из чего придумать, как сделать, – мол. – Ведь эти люди голые”, – мол» [Там же: 75]; «...Эрлик-аба²⁸ пришёл, у собаки спросил: “Ты здесь кого сторожишь?” – мол» [Там же: 83].

IV. Следующий этап анализа текста – его *композиция*. Знание композиционных особенностей текстов различных жанров фольклора может облегчить работу переводчика: есть возможность опираться на опыт ранее сделанных переводов и использовать наработанные ранее приёмы в работе с различными текстами одного жанра.

К примеру, характерной чертой композиции героических сказаний многих народов является обилие композиционных вставок (см.: [Кузьмина 2005: 8–10]). Это зачин, обращение к музыкальному инструменту, на котором играет сказитель (в алтайском эпосе [Там же: 254–257]), концовка, вставки-связки (в бурятском эпосе [Там же: 600–613]), обращения к слушателям перед началом и в конце исполнения сказания [Там же: 256–259; 1212–1215; 1370–1373]. Типический характер этих вставок, общие элементы их структуры позволяют пользоваться при их переводе одними приёмами, следя за тем, чтобы одинаковые конструкции переводились единообразно, а вариативные – с соблюдением вариантных различий (подробнее об этих приёмах см.: [Лиморенко 2005; 2006]). Изучая изданные переводы этих композиционных элементов, можно увидеть, что для их передачи применялись аналогичные приёмы.

В жанрах, где устойчивые композиционные элементы не так обильны и разнообразны, как в эпосе и сказке, у переводчика больше свободы в выборе средств их перевода. Вместе с тем эти композиционные особенности не должны быть стёрты, их организующая роль в тексте остаётся весьма важной. Так, для мифов характерен короткий вариативный зачин: «Давным-давно это было, оказывается...» [НПА 2011: 109]; «В раннее, совсем раннее время...» [Там же: 141]; «В древности...» [Там же: 177]; «В старину...» [МЛПТ 2010: 45]; «В незапамятные времена...» [Там же]; «Так вот давным-давно, в начале начал произошло это» [Там же: 67]; «Давно, в начале жизни...» [Там же: 83]

²⁸ Аба – отец (алт.), традиционное наименование Эрлика, которого считают одним из творцов Земли.

или просто «Давно...» [НПА 2011: 165]. В преданиях и легендах, время действия которых не отнесено к эпохе мифа, а принадлежит человеческой истории, такие зачины сравнительно редки. В них чаще встречается другой устойчивый начальный компонент: первая фраза текста не отделяет события повествования от «нынешнего времени», а представляет ситуацию *in media res*. «Один человек зимой на лыжах на охоту пошёл» [Там же: 215]; «Однажды из птиц коростель и жаворонок, две птицы, состязались, оказывается» [Там же: 169]; «К одной юрте два *аза*²⁹ подошли...» [МЛПТ 2010: 165]; «Раньше Коп-Соокский *хурээ*³⁰ находился на краю долины Коп-Соока» [Там же: 275]; «Между горами Кызыл-Тайга и Хор-Тайга есть местность Шолуг-Хем» [Там же: 259]. Предания об исторических персонажах часто начинаются с упоминания самих этих персонажей: «Человек по имени Эр-Монгус был» [НПА 2011: 275]; «Человек по имени Травник-Кара жил» [МЛПТ 2010: 205]; «На Хемчике в Шом-Шуме Чааран-Шаманка старуха жила» [Там же: 171]; «В долине [реки] Тес-Хем в Самагалтае человек по имени Бургут-Чангы жил» [МЛПТ 2010: 233]. Концовки несказочных повествований также нередко содержат общие элементы. В этиологических мифах и сказках это обычно краткий вывод, объясняющий происхождение какого-нибудь существа или явления, указание на описанное событие как на причину какого-либо известного факта: оно вводится оборотами «поэтому», «с тех пор», «вот почему». «Поэтому в расщелинах копыт коровы появился жёлтый жир» [Там же: 45]; «Всё живое на земле, говорят, так произошло» [Там же: 55]; «С тех пор коршун стал ржать, как конь» [Там же: 71]; «С тех пор племянник и его жена не умирают, но и не живут, застыли, как камни» [НПА 2011: 93]; «С тех самых пор в наших краях зимы бывают холодными. Лето же тёплое оттого, что Мечин на дне холодного родника лежит» [Там же: 105]; «Вот поэтому с того времени конь с копытами целыми, корова с копытами раздвоенными ходят» [Там же]; «...С тех пор медведь зимой шесть месяцев пищу не ест» [Там же: 159]; «Поэтому река Баш-Кёс так называется» [Там же: 165].

Для большинства фольклорных жанров можно уже говорить о сложившихся традициях научного перевода на русский язык. Переводчику необходимо ознакомиться с ранее изданными переводами текстов того жанра, с которым он работает, причём как с публикациями высокого научного уровня, так и с теми изданиями, которые включают неудовлетворительные переводы: они послужат образцом «от противного».

V. Выяснив композицию текста, переводчик может сделать обоснованные выводы о **членении текста на логические части**. Нередко в полевых записях и в расшифровках с аудионосителей текст оригинала вообще не разделён на абзацы или смысловые блоки. При необходимости переводчик может сделать это сам, сообразуясь с логикой повествования и обращая особое внимание на внутритекстовые особенности, которые указывают на последовательность развития повествования.

Так, для больших прозаических текстов характерно обозначение перехода к следующей мысли с помощью вводных слов и конструкций, обозначающих либо последовательность событий во времени, либо их логическую связь. Приведём несколько примеров начала нового смыслового блока: «Однажды человек по имени Довураккай пошёл охотиться...» [МЛПТ 2010: 83]; «Потом, когда прибежала крохотная красивая девочка...» [Там же: 85]; «Теперь [он] собрался идти домой...» [Там же: 117]; «Потом снова охотиться поехал в тайгу...» [Там же: 139]; «После этого охотник в тот шалаш никогда не ходил...» [Там же: 163]; «Вскоре после этого большой голод наступил» [Там же: 237]; «В конце концов по ночам договорились следить, где горят огни» [Там же: 241]; «После этого хвастались, хвалились богатством» [Там же: 249]; «Тогда взволновались душа-сердце девушки, [она] тоже заплакала» [Там же: 263]; «Затем младший брат продолжил...» [Там же: 273]; «Потом наконец деда моего отца вызвали...» [НПА 2011: 221]; «После того как прошло семь дней, когда утром светало...» [Там же: 227]; «Когда Ак-Сыба привёз подать...» [Там же: 351]; «В это время Кочкорбай со своим войском, слугами Бюдюки, искал, оказывается» [Там же: 365]; «Тогда, этот *бий*³¹ сары-сойонов, *каа*³², решил, что Кайракан-Дьарнак теперь умер» [НПА: 375].

Как можно видеть на примерах, вводные слова и обороты, обозначающие начало новой мысли, широко варьируются. В задачу переводчика входит отображение этой вариативности, благо в русском языке способы выражения значений последовательности и логической связи также очень многочисленны.

VI. Выделив смысловые блоки, на которые членится текст, переводчик может анализировать каждый из них отдельно. Принципы научной публикации в общем случае требуют переводить текст предложение в предложение. Однако из-за различий в синтаксическом строе разных языков это не

²⁹ *Аза* — в тувинском фольклоре злой, вредоносный дух Среднего мира.

³⁰ *Хурээ* — буддийский монастырь (тув.).

³¹ *Бий* — господин, начальник (алт.).

³² *Каа* — высокопоставленный чиновник на службе у хана (алт.).

всегда оправдано с точки зрения точности передачи смысла. Например, в тюркских языках нередки сложные, многосоставные синтаксические конструкции, которые при попытке перевести их дословно на русский язык порождают громоздкие построения, до смысла которых добраться нелегко (см., например: [Майногашева 1988: 533]). В этом случае возможное решение — разделить сложную конструкцию оригинала на две-три части и каждую перевести как отдельное предложение, сохраняя логические связи между ними. Приведём пример: «*Ооң ыр-шоору, сыгыт-хөөмейи кижилерниң сагыш-сеткилин долдуруп, карак чажын төгүлдүрер кайгамчыктыг ыянгылыг болур боорга, найыр-наадымче албан-биле ону чалаар.* — Его песни-наигрыши, *сыгыт-хоомей*³³ слёзы лить заставляли, мысли-думы людей наполняли, удивительно жалобную [песню он пел]. Его всегда особо на праздники-торжества приглашали» [МЛПТ 2010: 92–93]. Здесь сложное тувинское предложение в переводе разделено на две части.

Многие теоретики перевода считают, что адекватность передачи семантики и коннотаций в переводном тексте возможна на уровне не ниже предложения (см., например: [Егер 1978]). Однако эта простая, на первый взгляд, идея не может быть механически применена к практике. Дело в том, что содержание языковых уровней в разных языках различно, их нельзя формально приравнять друг к другу; к тому же и отношения между подуровнями одного уровня (например, словосочетания и предложения, простого и сложного предложений) в разных языках не совпадают [Гарбовский 1981]. Поэтому «уровень не ниже предложения» не может быть строгим критерием для поиска эквивалентов языковым единицам оригинала в переводе. На первом этапе работы переводчик интуитивно определяет уровни, на которых он пытается соотнести языковые единицы оригинала и перевода, и только если соответствия на одном уровне найти не удаётся, обращается к другим средствам передачи нужной языковой единицы [Чиронина 2004: 11].

Эта проблема хорошо знакома на практике переводчикам фольклорных текстов. И здесь специфическая цель научного перевода — дать представление о языковой природе оригинала и через него всей устно-поэтической традиции — позволяет переводчику выбирать те средства передачи языковых единиц оригинала, которые представляются ему наиболее полно отражающими эту языковую природу. Поэтому эквиваленты иногда можно и нужно искать не только для единиц синтаксического уровня, но и для отдельных слов и даже морфем. Найти полное соответствие единицам такого низкого уровня, конечно, удаётся не всегда, но это и не является основной целью перевода — это лишь дополнительная возможность сохранить языковую структуру оригинала и при этом сделать русский текст выразительным, не обезличенным.

Подводя итог, можно заключить, что специфика работы переводчика фольклорных произведений обусловлена их изначально устной природой и тесной связью с традиционным культурным контекстом. Переводчик должен уметь выявлять жанровые, текстологические, языковые особенности фольклорных образцов и передавать их на языке перевода с вниманием к существующей практике их издания.

БВС – Бурятские волшебные сказки / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. Новосибирск, 1993. 341 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Гарбовский Н.К. Межъязыковой сопоставительный анализ и проблемы перевода сложных синтаксических конструкций // Лингвистические проблемы перевода. М., 1981. С. 13–22.

Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопр. теории перевода в современной лингвистике. М., 1978. С. 137–156.

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Экспериментальное издание. Новосибирск, 2005. 1383 с.

Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск, 1981.

Лиморенко Ю.В. Типические места и эпические формулы героического эпоса в аспекте перевода // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3. С. 74–81.

Лиморенко Ю.В. Специфика задач переводчика фольклорного текста // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 72–76.

Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. С. 524–525 (Эпос народов СССР).

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).

МСПМ – Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).

³³ *Сыгыт* — один из стилей *хоомей* — горлового пения у тувинцев.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойоткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

НФ – Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу / Сост. Н.Б. Киле. Новосибирск, 1996. 478 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ФД – Фольклор долган / Сост. П.Е. Ефремов. Новосибирск, 2000. 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19).

ФН – Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарёва, Л.В. Хомич. Новосибирск, 2001. 504 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).

ФС – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).

Чиропова И.И. Теоретические аспекты явления дословности в переводе // Перевод: взаимосвязь и взаимовлияние теории и практики. М., 2004. С. 5–12.

А.А. Гриневич

Опыт составления «Указателя поэтических формул песен медвежьего праздника казымских хантов»*

Аннотация. Статья освещает опыт составления указателя поэтических устойчивых выражений, из которых складываются песни медвежьего праздника казымских хантов. Автор делится решением основных проблем, с которыми ему пришлось столкнуться при обработке текстов.

The paper highlights the experience of making the Index of poetic expressions that compose the songs of the bear festival of Kazym Khanty. The author shares her solutions of major problems with which she were confronted while processing texts.

Ключевые слова: указатель, формула, грамматико-синтаксическая структура, казымские ханты.

Index, formula, grammatical-syntactic structure, Kazym Khanty.

УДК: 80.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел./факс: (383) 330-14-52. E-mail: anngrinevich@gmail.com.

В Институте филологии СО РАН на сегодняшний день сложилось фольклористическое направление, посвящённое изучению константных поэтических элементов эпических фольклорных произведений народов Сибири (типических мест) [Кузьмина 2005]. Эта школа выросла на базе 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Активная систематизация эпического материала обусловлена специфическими требованиями, выдвигаемыми для редакторов готовящихся томов. Так, результатом работы над томом «Медвежьи песни казымских хантов», который готовится к публикации в рамках названной Серии, стало создание «Указателя поэтических формул песен медвежьего праздника казымских хантов» (далее Указатель) [Гриневич 2012]. Его составление изначально носило исключительно практический прикладной характер.

Здесь необходимо сказать несколько слов о самой Серии. Она задумывалась в 70-х гг. XX в. и была призвана опубликовать фольклорные тексты из собраний частных и государственных коллекций, которые оставались неизданными. Главной целью Серии было сохранение исчезающего фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока. Серия носит двуязычный характер. Разворот книги представляет собой параллельный текст на русском (справа) и национальном (слева) языках. Такая подача требует тщательной разбивки текста (он разделяется на смысловые блоки и нумеруется) и точности перевода. К переводу применяются особенно строгие критерии, в частности, согласно требованиям: «в переводе должны быть отражены главные особенности поэтики текста: постоянные эпитеты, повторы, параллелизмы, формульные выражения, общие места (устойчивые и варьирующиеся)» [Принципы... 2003: 9]. На практике это означает, что если в национальном тексте повторяется один и тот же отрывок без изменений, то и в переводе он должен быть повторен в неизменном виде; если повтор сопровождается варьированием, то русский перевод должен отображать и это.

Когда в сектор фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (координирующий орган в издании Серии) поступила рукопись «Медвежьи песни казымских хантов», автором-составителем которой является Тимофей Алексеевич Молданов, стало понятно, что так просто это требование

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-12010/14 «Электронный ресурс “Фольклор народов Сибири: текстовое, семантическое и мультимедийное представление”» (руководитель д-р филол. наук Е.Н. Кузьмина).